

щала жертва их отца, то как сомневаться, что и наша бескровная жертва, приносимая за умерших, доставляет им некое утешение... Не напрасно установлено апостолами, чтобы при страшных тайнах мы поминали отшедших; от этого бывает им немалое приобретение, многая польза; ибо, когда люди стоят с воздетыми руками, предстонт собор священников и предлежит страшная жертва, тогда можем ли не упросить Бога, воссылая к Нему моления?»<sup>1</sup>.

В послании св. Кирилла Александрийского, принятом на III Вселенском Соборе, говорится: «Еще веруем, что это (св. Евхаристия) есть истинная умилоствительная жертва, приносимая за всех благочестно живущих и умерших».

Можно сказать, что евхаристическая умилоствительная жертва за живых и умерших есть отображение, в изъявлении веры земной Церкви, вечного ходатайства Иисуса Христа за род человеческий. В ней вечный Первосвященник чрез земные посредства являет Свое спасительное служение в единении Церкви и возрастании любви.

Умилоствительная сила евхаристической жертвы, обусловленная искупительным подвигом Иисуса Христа, является основанием для признания Евхаристии и как жертвы благодарения за все благодеяния, явленные в даровании жизни и устройении спасения, утверждением, знаком и осуществлением которого является Евхаристия. Выражением благодарения отмечено и само наименование Таинства.

В Евхаристии является чудо воочеловечения Бога и обожения человека. Принятие истинного Тела и истинной Крови Спасителя есть таинственное соединение с Его Существом, привитие к животворной Лозе, залог вечной жизни — одухотворения нашей материальности и приобщения к будущему преображенному миру, когда «будет Бог всё во всем» (1 Кор. 15, 28).

*Протоиерей Самуэл ЛЕХТОНЕН,  
лицензиат богословия (Тапиола)*

## ЕВХАРИСТИЯ И ЖЕРТВА ХРИСТА \*

При екуменической встрече представителей Православной и Лютеранской Церквей необходимо обратить внимание настоящего собрания на выяснение отношения между Евхаристией и жертвой Христовой, т. е. на богословское выяснение евхаристического аспекта жертвы.

Православная Церковь считает Евхаристию жертвой. Как богослужебные тексты Божественной литургии, так и совершаемые на ней символические действия показывают, что аспект жертвы для православных очень важен, когда идет речь о том, что же значит Евхаристия. «Жизнь Христа по своей природе была жертвой, жизнь Церкви по своей природе — жертва и жизнь частного христианина по своей природе — жертва. Поэтому и важнейший общий акт церковного культа по своей природе — жертва и показывает человечеству сердце Евангелия, а именно: чтобы жить, мы должны умереть». Так говорит один автор, объясняющий западному читателю сущность евхаристического понимания Православной Церкви.

«Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся», — молится священник после анамнезиса в евхаристических молитвах Божественной литургии Иоанна Златоуста. Жертва, приносимая в Евхаристии, — это Сам Христос. Но и приносящий жертву — это тоже Сам Христос. Христос есть в одно и то же время Священник и Жертва. «Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш», — говорится в молитве священника перед великим входом. Жертва приносится Богу, Самой Святой Троице, и приносится она за всех. Евхаристия, согласно православной литургии, — жертва искупления (*θύσια ἱλαστήριως, sacrificium propitiatorium*), которая приносится за живых и за мертвых.

Таким образом, согласно православному пониманию, в Евхаристии приносится в жертву жертва Христова. Что же под этим подразумевается? Один из учителей Православной Церкви, живший в средние века, описывает понимание этого в Православной Церкви следующим образом: «Во-первых, жертва — это не только изображение или символ, а настоящая жертва. Во-вторых, то, что приносится в жертву, — это не хлеб, а истинное Тело Христово. В-третьих, Агнец Божий пожрен был только единожды, на все времена. Жертва Евхаристии состоит не из действительного, или кровного, жертвоприношения Агнца, а в пресуществлении хлеба в пожертвованного Агнца».

Согласно православному пониманию, Евхаристия не просто воспоминание жертвы Христовой или ее изображение, а это действительная жертва. Но, с другой стороны, она не новая жертва, она не повторение крестной жертвы Голгофы. События

<sup>1</sup> Св. Иоанн Златоуст. На 1-е Посл. к Коринфянам беседа 41; на Посл. к Филиппийцам беседа 3.

\* Доклады финских участников собеседования, к сожалению, публикуются без подстрочного аппарата, так как он не был получен редакцией своевременно. — *Ред.*

жертвы Христовой: воплощение, установление Евхаристии, распятие, воскресение, на небеса восхождение — не повторяются при Евхаристии, а делаются реальной действительностью. «Во время литургии, по ее Божественной силе, мы переносимся во времени в место, где вечность пресекает время, и тогда мы становимся действительными современниками тех событий, которые воспоминаются» (П. Евдокимов). Евхаристия и вся литургия имеет структуру жертвы.

Я широко осветил православное понимание Евхаристии в начале своего доклада, несмотря на то, что на нашем собеседовании будет сделан по этому вопросу специальный доклад знатоком дела, — для того, чтобы нам, представителям Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии, участвующим в собеседовании, стало совсем ясно, насколько отличны акценты в практике и учении Лютеранской Церкви об Евхаристии. В экуменической дискуссии следует четко характеризовать те различия, которые существуют между Церквами и традициями. С другой стороны, в экуменических контактах мы не можем удовлетвориться только констатированием различий, а должны неуклонно стремиться понять действительный смысл слов и выражений и спрашивать себя, имеется ли возможность найти общую базу.

Вся жизнь Христа, и особенно Его покорное безвинное страдание и смерть на кресте, есть жертва, спасающая от греха. «Он есть умиротворение за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира» (1 Ин. 2, 2).

Согласно общему христианскому пониманию, Евхаристия есть трапеза воспоминания страстей и смерти Христовых. Слова Христа «сие творите в Мое воспоминание» подразумевают не только последнюю трапезу Христа с Его учениками в Сионской горнице, но и то, что случилось со Христом на Голгофе, и то, что трактует весь евхаристический акт. Поэтому апостол Павел говорит: «Всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1 Кор. 11, 26).

Перед нами поставлен вопрос: каково соотношение между однократной жертвой Христа и Евхаристией — трапезой воспоминания Его страстей и смерти? Как Евхаристия приобретает причащающихся к жертве Христовой и ее плодам? В чем состоит православное учение, согласно которому Евхаристия — не только реальное присутствие жертвы Христовой и церковная жертва благодарения, молитвы и прославления, но и жертва искупления? Почему Лютеранская Церковь так сдержанна и осторожна, когда слышит, что Евхаристия характеризуется как жертва?

Я постараюсь выполнить возложенную на меня задачу так, что сначала расскажу о тех местах евхаристической литургии Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии, в которых имеется указание на жертву Христову. Затем следует вспомнить те места символических книг Лютеранской Церкви, которые направлены против учения Римско-Католической Церкви о мессе как жертве и историческим фоном которых являются отклонения, имевшие место в средние века в евхаристической практике, а также в богословии Западной Церкви. Только после этого будет возможно осветить учение символических книг Лютеранской Церкви о соотношении между Евхаристией и жертвой Христовой.

### Мысли о жертве в лютеранской евхаристической литургии

Представители Православной Церкви на экуменических собеседованиях любят подчеркивать, что православие трудно изучить или понять только по книгам. Церковь — это прежде всего культовое общество, и поэтому истинны ее учения можно увидеть в культе так же хорошо — если не лучше, — как и в богословских творениях. Именно поэтому я хочу кратко изложить, что в евхаристической литургии Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии говорится про жертву. При последнем обновлении богослужебных книг Церковный Собор Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии принял новый, исправленный порядок богослужений. При этом в евхаристическую литургию перед словами установления была включена следующая молитва, содержащая элементы анамнезиса и эпиклезиса, в которой вспоминается о жертве Христовой: «Слава Тебе, Господи неба и земли, что помиловал мир Твой и послал в него Единородного Сына Твоего, как человека. Благодарим Тебя об искуплении, которое Ты уготовал нам чрез жертву Его, совершенную на кресте, и молимся Тебе: ниспосли Духа Твоего Святого, да верою примем Тело и Кровь Сына Твоего во спасение наше, совершая святую Вечерю Его, как Он Сам заповедал нам». После этого следуют слова установления, которые в Лютеранской Церкви всегда следует читать или петь так, чтобы их все слышали: «Господь наш Иисус Христос в ночь, в которую предан был, взял хлеб, благословил, преломил и, раздавая ученикам Своим, сказал: Примите, ядите: сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание. Также взял чашу и, благодарив, подал ученикам Своим и сказал: Примите и пейте из нее все: сия чаша есть Новый Завет в Моей Крови, за вас изливаемая во оставление грехов; сие творите, когда только будете пить в Мое воспоминание».

В молитве, читаемой перед словами установления, которая приведена выше, слышатся все акценты, типичные для лютеранского учения. В хлебе и в вине причащающиеся принимают Тело и Кровь Христовы во свое спасение. Они молятся при этом, чтобы Бог Духом Святым пробудил в них веру, с которой должно быть принято Таинство. Основой Евхаристии является заповедь Божия («как Он Сам заповедал

нам»). Между совершённой жертвой Иисуса Христа, вочеловечившегося Сына Божия, и святой Евхаристией имеется самая тесная связь. Однако лютеранские богослужебные книги, начиная со времен реформации, избегают всех тех выражений, которые могли бы быть поводом для утверждения, что Церковь, совершающая Евхаристию, приносит в жертву Христа или что Евхаристия является повторением жертвенной смерти Христа.

Однако с точки зрения нашей темы более важно, чем упоминание о крестной жертве в вышеприведенной молитве, то, что в самих словах установления вспоминается о единожды совершённой на Голгофе жертве Христа, которая становится действительной на каждой Евхаристии. Тот же Христос, Который однажды послушно шел ко кресту, Сам раздаёт Свое Тело и Кровь и вместе с тем плоды Своей жертвы — отпущение грехов и жизнь вечную — всем причащающимся каждый раз при совершении Евхаристии. В лютеранской богослужебной практике считается существенным момент, когда причащающий священник, вкладывая в рот причащающегося евхаристический хлеб, говорит ему: «Тело Господа нашего Иисуса Христа, за тебя данное». Раздавая вино, священник произносит: «Кровь Господа нашего Иисуса Христа, за тебя пролитая». Наконец, священник говорит всем вместе: «Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа да будут для телес и душ ваших в жизнь вечную».

Участие церковного прихода, совершающего Евхаристию, в крестной жертве Христа весьма значительно подчеркивается еще в одном моменте, очень важном для вероисповедного сознания прихода, а именно тогда, когда прихожане перед раздачей Евхаристии (или в начале раздачи) все вместе поют гимн «Агнец Божий» (*Agnus Dei*): «О, Агнец Божий, вземляй грех мира, помилуй нас (дважды). О, Агнец Божий, вземляй грех мира, дай нам мир Твой и благословение». В этом гимне молятся присутствующему в Евхаристии Христу как богоданному Агнцу жертвы и Искупителю грехов.

Напомним еще, что центральное место лютеранской евхаристической литургии составляет жертва хваления собравшегося прихода. Перед словами установления читается молитва (*praefatio*), которая начинается словами: «Достойно, праведно и блаженно есть всегда и на всяком месте благодарить и прославлять Тебя...» В эту молитву входит часть, изменяющаяся в зависимости от темы праздника, имеющая харизматический характер и возвещающая о спасительных делах Божиих. Молитва эта заканчивается словами: «За эти несказанные дары мы с силами небесными и со всеми святыми благословим и прославляем имя Твое». После этого весь приход поет святой гимн: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь вся земля славы Его, осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних».

В молитве благодарения после раздачи Евхаристии приход, прославляя Троицного Бога, молится: «Сподоби и нас со всеми избранными святыми причаститься великой Твоей вечери на небесах».

#### Критика римско-католической жертвы-мессы в лютеранских символических книгах

Основные части лютеранской евхаристической литургии напоминают верующему сознанию участвующего в Евхаристии прихода о крестной жертве Христа, делающейся реальной в Евхаристии. Жертва Христа и ее плоды, таким образом, имеют самое важное значение для участвующего в Евхаристии лютеранского церковного прихода. Но вообще само слово «жертва», употребляемое применительно к Евхаристии, чуждо лютеранину.

С точки зрения официального учения Лютеранской Церкви, ее символические книги имеют нормативное значение. В экуменической, межцерковной дискуссии, в которой часто фигурирует термин «лютеранство» или имя Мартина Лютера, следует помнить значение и порядок нормативных документов Лютеранской Церкви. Главная и безусловная норма всего учения — это Священное Писание. После него следуют символические книги, которые включают три кафолических, или вселенских, символа (*tria symbola catholica sive oecumenica*). Эти три символа соединяют лютеранское церковное учение с учением о Святой Троице и с христологией древней Церкви в соответствии с решениями Никейского, Константинопольского и Халкидонского Вселенских Соборов. Со времен реформации дошел до них Аугсбургский символ, являющийся важнейшим лютеранским символом. Таким образом, с символическими книгами связано официальное толкование учения Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии. Ссылаясь на Мартина Лютера, следует различать его произведения, входящие в символические книги, и его прочее, весьма обширное письменное наследие.

В символические книги входят, между прочим, Малый и Большой Катехизисы Лютера. Однако ни в том, ни в другом ничего не говорится о жертве при рассмотрении значения Евхаристии. В Малом Катехизисе, который уже в течение столетий используется при подготовке молодежи ко святому причащению, говорится о причащении следующее: «Таинство алтаря есть действительное Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа в хлебе и вине (*verum corpus et verus sanguis Domini nostri Jesu Christi, sub pane et vino*), и оно основано Самим Христом чтобы мы, христиане, вкушали и пили от него». Вообще же в Катехизисе подчеркиваются плоды причащения, оставление грехов и вера при принятии этого Таинства, о жертве же — ни слова. Этот факт имеет практические последствия и по сей день. Слово «жертва» в приме-

нению к Евхаристии для лютеранского церковного народа кажется чуждым; оно прямо-таки напоминает римский католицизм.

В статьях Аугсбургского символа о причастии также ничего не говорится о жертве. Меланхтон заявляет, что это слово не употребляется сознательно, ввиду его неясности (*propter ambiguitatem*). Зато 24-я статья Аугсбургского символа, касающаяся мессы, говорит о «страшном заблуждении», согласно которому «Господь Иисус Своєю смертью совершил искупление только от первородного греха и установил мессу как жертву за прочие грехи». «Таким образом, месса сделалась жертвой, приносимой как за живых, так и за мертвых, которая снимает грех и примиряет с Богом. Это вызвало большое, бесчисленное количество месс; этим от Бога стремятся получить всё, что нужно, но в то же время забывает веру во Христа и правильное богослужение». Яростная полемика Лютера достигает своей кульминации в Шмалькальденских шпигтрах, в которых он говорит, что папская месса (*missa in papatu*) — из всех ужасов величайшая и ужаснейшая (*maxima et abhorrenda abominatio*).

Лютеранскую критику римско-католического учения о мессе-жертве невозможно понять без знания исторических фактов. Самые крайние злоупотребления Католической Церкви средневековья — такие, как покупка месс для облегчения участи покойного в чистилище, или, иначе, месс воззвания, а также месс для получения благоприятной погоды и для исполнения всяких других желаний — навели реформаторов на мысль, что эти злоупотребления являются следствием не только первобытного суеверия, но и извращения учения об Евхаристии. Собор в Толедо в 694 г. всё же запретил использование мессы для испрашивания смерти врагу.

Критика католических злоупотреблений средневековья в лютеранских символических книгах основана в конце концов на чисто религиозных соображениях. Неправильное учение о мессе как совершаемой людьми жертве, которой успокаивают рассерженного Бога, отняло у людей возможность веры во Христа и разложило богослужебную практику. Символические книги и Лютер не выступают против римско-католического богослужения и Евхаристии как таковых, а против имевшихся в них отклонений. Одновременно реформаторы раскрыли заново основные аспекты Евхаристии, устранившие или забытые средневековым богословием жертвы.

Евхаристия понималась как жертва искупления, которую люди могли ставить на один уровень с Голгофской крестной жертвой. Святое Таинство стало средством, которым добивались получения Божией благодати и исполнения своих надежд.

В Аугсбургском символе, написанном Меланхтоном, относительно Евхаристии и жертвы можно найти соображения, которые были положены в основу классического лютеранского учения. Эти соображения следующие:

1. Св. Причащение не приносит благодати в силу самого его совершения (*ex opere operato*) и не может в применении к третьим лицам — живым или умершим — только в силу своего совершения даровать отпущение грехов и освобождение от наказания.

2. Таинство является формой богослужения или действием, в котором Бог дает нам то, что предлагает обещание, связанное с этим таинством (*annexa sermone promissio*). Например, крещение не является действием (*opus*), которое мы предлагаем Богу; оно есть действие Бога, в котором Он крестит нас, оставляя грехи. Зато жертва (*sacrificium*) является формой богослужения или действием (*sermone vel opus*), которое мы предлагаем Богу, чтобы почтить Его.

3. Жертвы бывают двойные. Жертва искупления (*sacrificium propitiatorium*) является действием, которым дается компенсация (*opus satisfactorium*) за греховность и наказание (*pro culpa et poena*). Она укрощает гнев Божий и сподобляет других грешников прощения грехов. Жертва хваления (*sacrificium eucharistikum*) является жертвой, которая не обуславливает оставление грехов или искупление; эту жертву приносят искупленные, чтобы возблагодарить Бога за полученное оставление грехов и за прочие блага Божии.

4. В мире только одна жертва искупления — смерть Христова.

5. Жертвы хваления — это прославление, благодарение, вера, признание святых и всех их дел, и эти жертвы имеют значение только по вере, а не как дань Богу.

6. Проповедь слова Божия тоже является жертвой хваления.

7. Имеется только один Первосвященник, приносящий жертву за грехи грешников, — это Христос.

8. Те, кто имеют правильное употребление евангельской проповеди и таинств, приносят непрерывную, ежедневную жертву. Здесь острое критики направлено против высказывания Фомы Аквинского, согласно которому Тело Господа, которое однажды на кресте было принесено в жертву за первородный грех, ежедневно приносится в алтаре в жертву за совершенные нами грехи как дар для умиловления Бога (*munus ad placandum sibi Deum*).

9. Таинства являются знаками (*signa*) обращенной к нам воли Божией, а не знаками общения людей между собой (*signa hominum inter sese*), и потому совершенно правильно таинства Нового Завета определяются как знаки благодати (*signa gratiae*).

Таким образом, классическое лютеранское понимание Евхаристии отвергает понятие жертвы в объяснении Евхаристии, если жертва понимается как действие, которым хотят умиловить Бога и заслужить себе или третьему лицу благодать Божию. Это

лютеранское понимание Евхаристии неразрывно связано с учением об оправдании, которое является краеугольным камнем символических книг и руководящим принципом в толковании Священного Писания. При этом, естественно, возникает вопрос: является ли противопоставление оправдания по вере оправданию по делам, т.е. по закону, единственным исходным положением в оценке аспекта жертвы в Евхаристии? Согласно классическому учению лютеранства, жертва (*sacrificium*) — это действие (*opus*) человека; Евхаристия же является орудием благодати Божией, ниспосылаемой человеку, а ни в коем случае не данью человека или орудием, которое он получил в свою власть.

Возможна ли для Лютеранской церкви положительная оценка аспекта евхаристической жертвы?

### Евхаристия и жертва Христа

В дискуссиях между православными и лютеранами с обеих сторон подчеркивалось, что Евхаристия должна рассматриваться с позиций христологии. Евхаристия не должна пониматься как средство благодати в отрыве от христологии. На этом фоне те проблемы, которые мы получили в наследие от средних веков и которые касаются вещества Таинства и учения о изменении этого вещества, являются второстепенными, потому что они приближают нас к Евхаристии как к объекту. Однако сущность Евхаристии совсем не в этом, а именно в том, что мистерия Христа во всей полноте выражается и испытывается в Евхаристии.

Согласно лютеранским символическим книгам, учение об Евхаристии строится на христологии древней Церкви. Основным моментом здесь является учение о действительном присутствии Христа, или о реальном презенсе, которого лютеране твердо и последовательно придерживаются. Христос не только присутствует при Евхаристии вообще, а благословенные хлеб и вино, которые раздаются и принимаются в Евхаристии, есть Тело и Кровь вочеловечившегося Сына Божия, Иисуса Христа. Так учат Малый и Большой катехизисы и прочие символические книги. Тело и Кровь Христовы, раздаваемые и принимаемые за Евхаристией, согласно лютеранскому пониманию, никогда не существуют самостоятельно и отдельно от веществ Таинства. В символических книгах систематически отвергается мнение, согласно которому в Евхаристии присутствует только дух Христа, а не Его Тело. Также отвергается мысль, что Христос присутствует в Евхаристии не в человеческой, а только в Божественной Своей природе. Все высказывания символических книг, подтверждающие действительную сущность Евхаристии, основываются на том, что в Евхаристии присутствует вочеловечившийся Сын Божий — Иисус Христос — в Своих обеих природах. Это основное положение для понимания лютеранского учения об Евхаристии. Из него следует исходить также и в вопросе о соотношении между Евхаристией и жертвой Христовой согласно лютеранскому представлению. Другими словами, учение о реальном присутствии Христа нельзя отделять от учения о жертве Христа в Евхаристии. Это последнее раскрывается в Лютеранской Церкви через реальный презенс и христологию.

В западной традиции отношение евхаристической жертвы к крестной жертве Христа издревле определялось тремя богословскими положениями:

1. Евхаристическая жертва является реальным таинственным воспроизведением (*repraesentatio*) крестной жертвы Христа.

2. Евхаристия как жертва является воспоминанием (*memoria, commemoratio, anamnesis*) крестной жертвы Христа.

3. Евхаристия как жертва является средством усвоения (*applicatio*) крестной жертвы Христа, точнее плодов этой жертвы, людям, жаждущим спасения.

Относительно аспекта воспоминания в Евхаристии вряд ли имеются какие-либо межконфессиональные разногласия. В евхаристической богослужебной практике Евангелиско-Лютеранской Церкви Финляндии до настоящего времени широко используется песнь «Пресладкое воспоминание об Иисусе» (*Jesu dulcis memoria*), слова которой написал Bernhard de Clairvaux. В символических книгах этот аспект также упоминается. «Такое употребление таинства, которое верой оживляет уstraенное сердца (*quum fides vivificat perlerrefacta corda*), является богослужением Нового Завета. Ибо Новому Завету свойственны духовные порывы (*motus spirituales*): умерщвление и оживотворение. Именно для такого употребления Христос и установил Евхаристию, заповедав совершать ее в Его воспоминание (*facere in sui commemorationem*). Ведь и воспоминание Христа не является каким-то пассивным наблюдением действий в спектакле, и оно не поставлено в прообраз (*aut exempli causa instituta*) — такой, как в трагедиях в честь Геркулеса и Одиссея, а есть воспоминание добрых дел Христа и их принятие через веру, чтобы они нас оживили».

Воспоминание крестной жертвы Христа — анамнезис — это нечто большее, чем воспоминание только страдающего Христа. При исследовании Священного Писания Нового Завета евхаристический мотив анамнезиса толковался ссылкой на еврейскую пасхальную трапезу и связанное с ней учение (*haggada*), согласно которому присутствие на трапезе и воспоминание спасительных действий делает эти действия реальной действительностью. Пасхальную трапезу нельзя отделить от истории спасения. Таким же образом переходом акта спасения в действительность некоторые отцы Церкви считают воспоминание крестной жертвы Христа в Евхаристии.

Тут уже аспект анамнезиса очень близко подходит к главному аспекту классического толкования евхаристической жертвы, согласно которому Евхаристия является

жертвой потому, что в ней осуществляется переход крестной жертвы в действительность. Каждый раз в Евхаристии крестная жертва Иисуса Христа делается актуальной в действительности, усваивается приходом, участвующему в Евхаристии. «Так же, как Тело и Кровь Христовы не могут быть отделены от Его Божественного Лица, они не могут быть отделены и от события Его крестной смерти», — говорит Э. Шлянк, поясняя евхаристическое учение символических книг. Действительное присутствие Христа в Евхаристии означает также, что Его крестная жертва реально существует в Евхаристии. В этом смысле Лютеранская Церковь признаёт правильным аспект репрезентации относительно жертвы Христа в Евхаристии. Однако лютеранская традиция говорит о наличии жертвы Христовой в Евхаристии, как правило, косвенным образом. «Жертва Христа как бы сокрыта под завесью реального преемства», — говорит Г. Аулен.

Согласно лютеранскому пониманию, переход жертвы Христовой в действительность относится ко всему евхаристическому действию. Евхаристия должна включать в себя раздачу причащения присутствующему приходу. Во всем акте, и особенно при раздаче и принятии Тела и Крови Христовых, крестные события переходят в действительность. «Тот же Христос, Который однажды дал Тело Свое на Голгофе, теперь преподает Тело Свое в Евхаристии и делает нас современниками Своей крестной смерти».

Актуальность и переход в действительность жертвы Христовой в Евхаристии, согласно лютеранскому пониманию, являются по своему характеру моментными, происходящими во время таинства — «здесь и сейчас». Присутствие Христа в Евхаристии — это не присутствие вообще, а ввиду характера Евхаристии оно предусматривает присутствие и участие в евхаристическом действии собравшегося прихода. Такое понимание связано с лютеранским отношением к римско-католическому учению о преемственности, согласно которому хлеб и вино при освящении (*consecratio*) изменяются по своему существу в Тело и Кровь Христовы. Изменение касается существа (*substantia*) хлеба и вина, в то время как их видимые свойства: вид, вкус, запах (*species*) остаются неизменными.

Лютеранская Церковь безусловно придерживается присутствия Христа в Евхаристии. «Учение о причащении есть то, что в Евхаристии действительное Тело и действительная Кровь Христовы действительно присутствуют, раздаются и принимаются в виде хлеба и вина». Это Апология объясняет следующим образом: «В причащении Тело и Кровь Христовы действительно и существенно (*vere et substantialiter*) присутствуют и с хлебом и вином действительно раздаются принимающим таинство». Но на вопрос: как это происходит? — в лютеранской традиции отказываются отвечать, так как действительное присутствие Христа в Евхаристии — необъяснимое таинство. Это лютеранское понимание, употребляя схоластический термин, иногда называют учением о «консубстанции» (сущность хлеба и вина сохраняется при действительном присутствии Тела и Крови Христовых в Евхаристии), однако большинство лютеранских богословов отвергает это наименование, отказываясь от спекулятивного рассуждения о способе осуществления реального преемства. Хлеб в Евхаристии — это Тело Христово, не перестающее оставаться хлебом, и вино — это Кровь Христова, не перестающая оставаться вином.

Отказ от учения трансубстанции находится в последовательной связи с тем, что запрещается служение веществам таинства и что действительное присутствие Христа не продолжается вне таинства. «Но Самому Христу, истинному Богу и Человеку, Который в Евхаристии при ее правильном совершении (*in legitimo nimirum eius usu*) действительно и существенно (*vere et substantialiter*) присутствует, в духе и истине следует поклоняться (*adorari debeat*) на всяком месте, но особенно там, где собирается церковный приход».

Здесь следует отметить, ссылаясь на приведенную цитату (*in legitimo nimirum eius usu*), что правильное совершение Евхаристии, согласно символическим книгам, требует наличия церковной должности. Более подробное рассмотрение этого вопроса не уместится в рамках настоящего доклада.

Наряду с аспектами воспоминания и актуализации присутствие крестной жертвы Христа в Евхаристии часто изображается как раздача плодов этой жертвы нуждающимся в них людям (*applicatio*). Лютеранский катехизис прежде всего делает акцент на оставлении грехов, принятие которого является сердцевинной лютеранского евхаристического благочестия. Ответ на вопрос: какая же польза от причащения? — гласит: «Это нам раскрывают слова «за вас ломимое» и «за вас изливаемая во оставлении грехов», и именно этими словами в этом таинстве нам преподается оставление грехов, жизнь и блаженство, так как где оставление грехов, там и жизнь и блаженство». Этому способствует не только питание и ядение, но и слово Христово. Предпосылкой для достойного принятия благодати Божией и таинства является вера. Но при этом о вере говорится не как о человеческом акте, а как бы о сопутствующем элементе принятия дара Божия. Вера способствует принятию Тела и Крови Христовых во спасение, а принятие Тела и Крови Христовых в свою очередь вызывает веру и усваивает причащающимся плоды жертвенной смерти Христа. «Таинство дано нам, как пища для ежедневного вкушения, чтобы вера оживилась и усилилась, чтобы она не иссыкла в такой борьбе, а все более укреплялась», — говорит Лютер в Большом катехизисе. Таким образом, вера является и предпосылкой, и плодом причащения.

## Попытки найти общую основу

Остается еще самый трудный вопрос в дискуссии о жертвенном характере Евхаристии: возможно ли, исходя из лютеранской традиции, говорить об Евхаристии как о церковной жертве?

При исследовании аспекта жертвы в Евхаристии обращают внимание на проповедь Лютера в 1519 г. (*Sermon von dem hochwürdigen Sakrament des heiligen Leichnams Christi und von den Bruderschaften*), которая иногда характеризуется как Песнь песней в честь Евхаристии. «Вряд ли когда-либо таинственная мистерия общения получила такое блестящее описание, как в этом совсем небольшом произведении», — говорит о ней И. Бриллиот. Известно, что в разные эпохи реформации Лютер обращал внимание на разные аспекты Евхаристии. Сначала, критикуя (именно в указанной проповеди) частные мессы, служившиеся без присутствия прихода, а также служение хостии без причащения, он подчеркивал общение как основной аспект Евхаристии. Позднее Лютер отмечал значение прощения как плода жертвы Христовой, ставя его в противоположность мессе-жертве. Восставая против мистиков (*Schwarmgeister*), Лютер взял за основу своего евхаристического богословия учение о реальном презенте Христа в благословенном хлебе и вине.

В евхаристической проповеди 1519 г. Лютер заявляет, что Евхаристия — это прежде всего приобщение Христу. Принимающий причащение причисляется к святым и становится членом духовного тела Христова. Причащение является знаком этого причащения. Знак (*signum*) здесь, так же как и в символических книгах, не означает только символический образ, а является действенным знаком, который дает то, что обещает. Однако Лютер в своей проповеди не рассматривает соотношения между крестной жертвой Христа и Евхаристией.

В своей первой статье, касающейся Евхаристии и направленной против Рима (*Sermon von dem Neuen Testament, d. i. von der heiligen Messe*) (1520 г.), Лютер противопоставляет жертву и Завет. Евхаристия не является приносимой Богу жертвой, а Божиим даром для нас. Однако Лютер не целиком отказывается от мысли о жертве. Сказав, что мы не имеем ничего, что могли бы принести Богу в жертву, Лютер говорит далее о пожертвовании своей жизни в послушании, а также о жертве благодарения и хваления. «Эту жертву молитвы, прославления и благодарения мы приносим Богу не сами от себя лично. А мы должны предоставить нашу жертву Христу и дать Ему принести нашу жертву, как и учит апостол Павел в 13-й главе Послания к Евреям: «Итак, будем чрез Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его» (13, 15). Поэтому он также и Священник, как и говорится в 109-м псалме: «Ты Священник, вовек по чину Мелхиседека» (109, 4), так как Он молится за нас на небесах. Он принимает наши молитвы и жертвы и через Себя, как истинный Священник, делает их благоприятными Богу. Опять-таки святой Павел поучает в Послании к Евреям: «Христос вошел... в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие» (9, 24), и в Послании к Римлянам: «Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас» (8, 34). Эти слова поучают нас, что не мы приносим Христа в жертву, а Он приносит нас в жертву. Поэтому допустимо и целесообразно называть мессу жертвой; и это не из-за нее самой, а потому, что мы приносим себя в жертву со Христом. Это значит, что мы полагаемся на Христа, твердо веря Его завету, и предстаем перед Богом с нашими молитвами, благодарениями и жертвами не иначе как только через Христа и Его посредничество».

Здесь Лютер явно соприкасается с понятиями древней Церкви о Евхаристии как жертве. Присоединяясь к единой жертве Христовой, Церковь — Его Тело — жертвует себя Богу. Лютер, однако, не стал развивать этих мыслей. И. Бриллиот считает, что следствием этого явилось обеднение лютеранского евхаристического богословия.

В богословских беседах по вопросам Евхаристии между лютеранами и католиками Америки обращалось внимание на то, что католические толкования аспекта евхаристической жертвы в последнее время обнаруживают заметное сближение между этими Церквами в понимании значения Евхаристии.

Излагая учение Тридентского Собора о мессе как видимой жертве, римско-католический профессор Дж. Маккью спрашивает: что мы имеем в виду, говоря о Евхаристии, и в каком смысле мы жертвуем Богу Его Самого, Который уже пожертвовал Себя Богу за нас во спасение и во оставление грехов?

Единожды жертва Христа означает то, что Он жертвует Свою жизнь за людей, будучи покорным Отцу, и устанавливает окончательный завет между Богом и людьми. Через крещение на жизнь христианина начинает действовать жертва Христа на Голгофе. Принеся Себя в жертву Отцу, Христос принес Ему и Церковь, которая есть Его Тело. Как член этого Тела, христианин причащен жертве Нового Завета. Когда Христос предает Себя Отцу в послушании, Он делает это для того, чтобы люди могли в послушании и любви посвятить себя Богу.

Нельзя не отметить, насколько близко это евхаристическое толкование к ранним высказываниям Лютера о Евхаристии.

Маккью продолжает: «Единая Голгофская жертва создает основы для существования христианского общества. Акт веры, в котором это общество при евхаристическом воспоминании Голгофской жертвы исповедует и принимает то, что за него и для

него сделано на Голгофе, уже сам по себе является жертвой. Это значит то, что мы принимаем плоды Голгофы в акте, в котором мы соглашаемся сами на Голгофу, принося себя вместе со Христом Отцу. Акт веры христианского общества при участии в Евхаристии имеет структуру жертвы.

Лютеранин не может не заметить, насколько явно эти мысли, истолковывающие евхаристическую жертву как согласие по вере, приближаются к лютеранской точке зрения, согласно которой Евхаристия — это видимое Слово (*Verbum visibile*). При этом структура евхаристической жертвы будет означать, что дело благодати Божией — крестная жертва Христа — каждый раз при совершении Евхаристии видимым образом становится достоянием людей и застает их в фактической жизненной ситуации.

Г. Аулен отвечает на наш вопрос следующим образом: «Когда Новый Завет использует слово «жертва» в разных местах, например, когда говорится о жертве хваления или молитвы или когда апостол Павел говорит, что мы должны принести тела наши в живую, святую и непорочную жертву Богу, то всегда речь идет о жертве, которая находится на совсем ином уровне и которая имеет совсем иное содержание, чем та жертва, которую Христос единожды принес за всех».

Этот ответ всё же нельзя считать полностью удовлетворительным, так как всякая благогодная Богу жертва — как единоразовая жертва Христа на Голгофе, так и жертвы молитвы, хваления и всей жизни, которые приносят Богу Его Церковь и ее члены, — является, с другой стороны, единым целым. В конце концов речь идет о мистерии Христа, в которой участвуют все присные Ему.

Жертва хваления, или Евхаристия, и жертва искупления должны быть отделены друг от друга, но они принадлежат к одной и той же жертве.

#### Будет ли найдена общая основа?

Критика, направленная реформацией против римско-католического учения о жертве-мессе, подчеркивала одну мысль: Евхаристия не есть наша дань Богу, она есть дар Божий, в котором крестная жертва Христа становится действительной в современности и приносит верующим спасение. Классическое лютеранское учение о Евхаристии получило свою окончательную форму в условиях борьбы. Лютер, правда, признавал, что и у Церкви, руководимой папой, было Евангелие, но именно в учении о мессе-жертве и в соответствующей этому учению практике Евангелие упразднялось или сокращалось. Лютеранская Церковь унаследовала от реформации основную мысль, согласно которой Евхаристия сообщает верующим дар Божий — оставление грехов, жизнь и блаженство в качестве плодов крестной жертвы Христа. Но вместе с тем лютеранство унаследовало от реформации и определенную сдержанность, которая не позволяет ему говорить о Евхаристии как о жертве.

В экуменическом диалоге следует искать новые постановки вопроса, которые вывели бы из тупика древних разногласий относительно учения о сущности Евхаристии. В Римско-Католической Церкви после Второго Ватиканского Собора идет процесс переоценки и нового толкования евхаристического богословия, в том числе и аспекта жертвы. Это сделало возможной плодотворную дискуссию между лютеранами и римскими католиками. В свете этого богословский диалог между православными и лютеранами о сущности Евхаристии может в настоящей ситуации способствовать более глубокому раскрытию и пониманию Евхаристии во всем христианстве.

*Профессор А. Т. НИКОЛАЙНЕН (Хельсинки)*

### ЕВХАРИСТИЯ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ НОВОГО ЗАВЕТА

В Священном Писании Нового Завета говорится об установлении Евхаристии, или Трапезы Господней, четырежды (1 Кор. 11, 23—25; Мр. 14, 22—25; Мф. 26, 26—28 и Лк. 22, 19—20). Кроме того, в Евангелии от Иоанна дается пояснение слов Спасителя на Его последней трапезе (Ин. 6, 51, 53—56). В Послании к Евреям также имеется существенное дополнение к новозаветному евхаристическому богословию.

По этим данным мы можем проследить появление и древнее развитие святой Евхаристии, начиная от исторического страдания Спасителя (начало 30-х гг.) до появления Евангелия от Иоанна (90-е гг.). Сравнение евангельских повествований показывает, что в древней Церкви существовало две традиции в понимании слов Христа на Тайной Вечери: с одной стороны, запечатленная Марком и Матфеем, с другой стороны, — Павлом и Лукой. Расхождения этих традиций, однако, не настолько велики, чтобы мешать нам говорить об едином новозаветном учении об Евхаристии. В этом учении мы можем отметить четыре пункта.